

18+

Иван Карачев
*Путь в Бездну и фитнес
в инвалидном кресле*



Иван Карачев
Путь в Бездну и фитнес
в инвалидном кресле

<https://litres.ru/74340522>

ISBN 9785007095785

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вся жизнь одной книгой. Что-то трудно, что-то невероятно, но реально. Я уже получил испытаний на две жизни, но это не конец...

Путь в Бездну и фитнес в инвалидном кресле

Иван Карачев

© Иван Карачев, 2026

ISBN 978-5-0070-9578-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давно пора было начать писать эту книгу... формат ее мне неясен до сих пор, но, уверяю вас, сюжет должен оказаться довольно интересным и драматичным. Здесь будут и детали моей непростой биографии, и уроки, которые я успел получить от жизни, и те пути собственного развития и преодоления препятствий, которые я смог выстроить для себя и которые, возможно, могут пригодиться кому-то еще.

Сейчас мне 36 лет, я родился на закате Советского Союза в семье поварахи и монтажника-высотника. Я был вторым ребенком в семье. Также у меня есть брат, он старше меня на 10 лет. Я родился в очень сложный момент для моей семьи: когда мать носила меня под сердцем, отец медленно и мучительно умирал в больнице. У него был паралич, на хороший

уход со стороны медперсонала надеяться не приходилось, и кто-то из родственников должен был постоянно находиться там же, в больнице. Но никого, кроме жены, у отца не было, и вот она, почти уже на сносях, лежала рядом с отцом. Он уже не мог ходить, испытывал ужасную боль и, по сути, гнил заживо. Не буду вдаваться во все медицинские подробности, но в конце его, еще живого, обернули пленкой — чтобы жуткий запах не навредил матери и ребенку.

Из больницы маму увезли в роддом. Примечательно, что родился я 31 октября, когда отмечают Хеллоуин, но в те далекие советские времена это мало кого волновало или не волновало вообще... Думаю, неудивительно, что роды проходили с осложнениями и в свой первый момент на белом свете я оказался едва не задушен собственной пуповиной — не дышал, был синего цвета... Но меня откачали. Спустя тонны хурмы длиной в 36 лет я до сих пор не могу ответить, к сожалению или к счастью. Вскоре после моего рождения отец умер. Он меня так и не увидел. Он запретил матери приносить меня в больницу, считая, наверное, что эта бездна людского горя не для детских глаз. Сейчас я тоже инвалид и хорошо понимаю своего отца. Хвала Всевышнему, я не гнию заживо, как он, но эту книгу диктую голосовому секретарю в кресле-каталке.

Итак, был конец 1980-х. Советский Союз рушился. Отец тяжело умер, мать осталась с двумя детьми. Потом был ужас

1990-х годов. Мы выжили благодаря пенсии, которую нам назначили по потере кормильца. Пенсия была небольшой, но это позволяло нам не голодать. Мать работала поваром на корабле. Брат после ПТУ также отправился на флот — мотористом. Так что с первого класса школы я, по сути, рос один.

Одна история навсегда врезалась мне в память.

Мне было лет девять. Была ранняя осень. Маму отправили в рейс — в Набережные Челны. Это довольно близко от Сарапула, где мы жили, но по реке это где-то три дня ходу. Мама побоялась оставлять ребенка на целую неделю одного, поэтому отпросила меня из школы и взяла с собой в рейс. Стоит упомянуть причины этого рейса. Мама работала на небольшом судне «Ярославец», если кому-то это о чем-то говорит. Катер использовался для служебно-вспомогательных задач: например, доставить на берег команду с крупного судна, чтобы оно не причаливало; или подвезти продукты; или для пересменки и прочего. Директор предприятия, где работала моя мама, сам любил кататься на этом судне. Вот и на этот раз в Набережные Челны он уехал на машине, а обратно решил прокатиться по реке. Это не было служебной необходимостью — просто прихоть богатого человека.

Капитаном нашего судна был молодой татарин, мусульманин, на вид ему было лет двадцать пять. Еще в команде был повар (моя мама) и помощник капитана. Ну и я с ними — как балласт. До Челнов мы добрались довольно легко и без

каких-либо приключений. Было довольно холодно, пасмурно, дождливо. Стоит отметить, что «холодно» и «не холодно» на берегу и на воде ощущается совершенно по-разному. Я, конечно, уже точно не помню, но, кажется, было градусов десять. За те несколько шагов, что отделяли салон от рубки, я уже успевал замерзнуть. Также стоит отметить, что погода осенью довольно переменчива, то есть с утра может светить солнце и на небе не будет ни тучки, а к вечеру это все может смениться сильным дождем и промозглым ветром.

Мы пришли в порт, встали у стенки, стали ждать директора. Где-то на второй-третий день нам сообщили, что он передумал возвращаться на катере и уехал в Сарапул на машине. Так что отчалили обратно без него. В этот день диспетчер, как обычно, получил метеосводку и объявил штормовое предупреждение. Ожидалось, что могут быть волны высотой три метра. Наш катер был небольшим, но он был килевой и с определенным классом непотопляемости. Поэтому мы не побоялись шторма и после обеда вышли из порта. Была осень, довольно пасмурно и ветрено, но относительно спокойно. На бескрайних просторах водохранилища наш кораблик выглядел, наверное, как мелкая скорлупка... Шторм нагнал нас уже ночью. Я спал в каюте, когда испуганная мама разбудила меня. Недовольный, я встал, мама укутала меня в одеяло и велела отправляться в рубку. Очень сильно качало. Когда вышел из каюты, сразу понял, насколько все плохо, — хотя это были всего лишь несколько секунд, пока

я, пригнувшись, перебегал из одного места в другое. За бортом была непроглядная темень, только иногда моргали буи. Сильный дождь и ветер, не было ни горизонта, ни берега — ничего. Небо обозначалось только частыми вспышками молний. Волны нещадно били в нос корабля, потом брызгами долетали до стекол рубки — хорошо окатили меня, пока я бежал. Все это — жуткий, непрекращающийся рев где-то в холодной ночи, ветер, волны, ливень, гром, ночь и холод — надолго врезалось мне в память.

В рубке меня посадили на спасательный плот, велели сидеть тихо, а если нас перевернет, ни в коем случае не слезать с плота и как можно сильнее грести в сторону от судна. «Ивановна, читай молитвы!» — кричал капитан. Напомню, он был мусульманин. А мою маму, Галину Ивановну, на судне звали просто Ивановна. Она сжимала крестик и бесшумно шептала молитвы. В моменты реальной опасности у нас один Бог, и нам совершенно неважно, как его зовут — Иеллахим, Кришна, Будда, Аллах, — мы просто обращаемся к Всевышнему. И в такой момент настоящего страха, угрозы жизни даже дети становятся взрослыми. Нас было четверо, на многие километры вокруг был только холодный осенний шторм, и мы уже простились с жизнью. Мама сказала: «Прости меня, сын. И прощай». Пожалуй, это самое страшное воспоминание в моей жизни — были и другие переделки, о которых страшно теперь вспоминать, но ни одна из них не оставила столько впечатлений, как эта ночь. Позже капитан

рассказал, что тоже молился про себя. Еще он с помощником обсуждал, как выжить, если окажешься за бортом. Температура воды была градусов десять, оба сошлись во мнении, что в такой воде можно погибнуть за считанные минуты и шансов практически нет. Тогда от своей матери я услышал довольно страшные слова: «Пускай лучше со мной вместе судьбу примет, чем один всю жизнь мается». Мы все были готовы умереть. Даже я осознавал, что нам грозит, однако не плакал, не кричал, не издавал ни единого звука, просто пытался уснуть. Мне было очень страшно, но в голове не было ни единой мысли. Наверное, это был шок.

Стоит рассказать, что велит судовая наука в подобной ситуации. Каждую волну необходимо встречать носом. Любая волна в борт немедленно опрокинет судно. Маневрирование судна, даже такого маленького, как наше, сильно отличается от маневрирования автомобиля. Ты немного поворачиваешь штурвал, и только через несколько секунд нос судна следует за поворотом штурвала. Нужен определенный навык, чутье, чтобы носом ловить каждую волну. И наш капитан справлялся с такой задачей, но было понятно, что долго сражаться мы не сможем — необходимо было пристать к берегу. Но, судя по карте, рядом не было пологих берегов. Были только очень высокие глиняные горы, которые почти отвесно спускались в воду. Почти что наугад, на очередном повороте реки катер уперся носом в глинистый берег. Кто видел, тот знает, что даже отвесная гора всегда имеет небольшой, относительно

пологий, намытый берег. Я говорю сейчас о глиняных горах вдоль Камы, а каменистые скалы — это совершенно другая история. Мы причалили к берегу, шторм тем временем продолжался. Бросили два якоря, они были совершенно бесполезны, но в этой ситуации мало кто об этом задумывался. К какой-то коряге даже бросили чалку (толстый канат, которым судно вяжут к берегу). Капитан с помощником остались на вахте в рубке, мы с мамой отправились спать. Измученный переживаниями за этот долгий день, я сразу уснул и проснулся только поздним утром.

Гудел дизель, в иллюминаторы пробивалось солнце, судно почти не раскачивало. Этому утру я был по-настоящему рад, ведь оно наступило. Вряд ли кто-то сможет понять, что мы все пережили накануне. Скажу лишь, что капитан был абсолютно седой, и поседел он за эту ночь. За завтраком мама сказала, что, пока я спал, судно сорвало ветром. Поскольку дизель был заглушен, нас очень быстро уносило все дальше от берега. Тот, кто разбирается в моторах, знает, как бывает сложно запустить дизель. И хоть наше судно не было очень старым, где-то двадцать-тридцать лет ему было, запускался дизель далеко не с первого раза. Но в этот раз произошло чудо: дизель стартанул моментально. Тут же мы причалили обратно и уже надежно привязали катер к дереву на берегу. Больше нештатных ситуаций до самого утра не было. Утром капитан с помощником отправились спать. За штурвал встала мама. Мы пережили эту ночь. Уроном стала седая шеве-

люра капитана и множество разбитых тарелок. Позже капитан рассказал нам, что пообещал Всевышнему бросить пить, если выживет. И он правда бросил — по крайней мере, я его с рюмкой больше не видел. Позднее я не раз попадал в шторм на воде, но уже не было так страшно, как тогда...

В то время как мои мама и брат ходили из рейса в рейс, мне нужно было ходить в школу. В таких обстоятельствах повзрослел я довольно быстро. Мама научила меня мало-мальски готовить, научила меня ответственности. Что такое жестокий мир, одиночество, страх, я узнал слишком рано.

Я рос довольно общительным ребенком. У меня было много знакомых, были и друзья. Но при этом с самого первого класса школы меня травили одноклассники — и неудивительно, ведь я был очень длинный — на голову, а то и на две выше остальных. Еще я был довольно тощий, плохо и бедно одевался и у меня не было отца. А еще мне довольно легко давалась учеба. За все это меня и не любили в школе. Но я не оставлял попыток завести друзей. Записывался для этого в кружки и секции, хотя это обычно не помогало. Ситуация немного изменилась, когда я записался в танцевальный кружок. Объяснял это тем, что мама меня заставила. Мама до сих пор не знает об этой своей инициативе, но это звучало лучше, чем признание в том, что мне одиноко и просто хочется найти друзей.

В танцевальном кружке я познакомился и подружился с одним человеком. И школьное, и почти все свободное время мы проводили вместе, потом дружили в университете и даже после него. Он научил меня курить и пить. Надо понимать, что в истории нашей дружбы негативный персонаж прежде всего я, — это мне было интересно начать курить и пить, а он просто меня научил. Мы постоянно встречались после школы — курили, пили пиво, в общем, были простыми детьми. Вскоре собралась целая компания подростков, мне в ней было довольно комфортно. Примерно тогда я открыл для себя музыку. Мой новый друг увлекался роком, и, поскольку он был для меня авторитетом, я тоже последовал за ним. Поначалу это было довольно безобидное увлечение: «Король и Шут», «Ария», «Кино», «Люмен» и прочий легкий, классический русский рок. Но потом мне в руки случайно попала кассета с альбомом Issues группы Korn. Мое мнение: детей нужно ограждать от подобной музыки. Миллионы подростков слушают это и вполне нормально себя чувствуют, но я изменился... Дальше будет одна из многочисленных вставок, где я попытаюсь описать свои ощущения от той или иной песни.

Песня Am I Going Crazy группы Korn стала для меня откровением. Сотни раз я приходил домой после тяжелого дня в школе, где надо мной издевались, обзывали. Ложился на кровать и включал этот альбом — Issues. Закрывал глаза, и

мир под веками был совершенно другим. Каждый аккорд, каждый крик я представлял как совершенно невообразимый клип. Красно-черный пустой коридор, оба конца которого теряются во мгле. Под тусклой грязной лампочкой без абажура в позе лотоса сидит подросток. Голова обхвачена руками, в такт ритму песни подросток раскачивается из стороны в сторону. Трудно даже вообразить те эмоции, которые он пытается удержать в голове. Эта тусклая грязная лампочка — последний островок разумности подростка: когда она погаснет, все, что скрыто во мраке, сожрет его. И нельзя никого попросить о помощи, и никто сам не захочет помочь. Есть только одинокий пустой коридор, по которому, постепенно крадучись, ползет безумие. И выхода нет, можно только обхватить голову руками и тихо скулить, молясь, чтобы лампочка не погасла.

Весь альбом Issues казался мне уникальным и произвел на меня неизгладимое впечатление. Тогда я не понимал слов, но отдельные фразы и общая атмосфера вызывали во мне бурю эмоций.

Еще один важный момент из моей жизни. В мои одиннадцать лет у мамы от безысходности случилось жуткая депрессия. К тому времени мы с матерью жили уже вдвоем: мой брат ушел из семьи и жил отдельно с какой-то женщиной. К слову, нормальные отношения с ней у нас не выстроены до сих пор: она не нравится ни мне, ни матери.

Мы жили с матерью вдвоем. Жили очень бедно. Нас кормил огород, который мать сама и растила. Я тоже помогал по мере своих сил, но всё же мне было всего одиннадцать лет и я совсем не любил копать в земле. И даже малейшей перспективы улучшения нашего положения не было. Как-то я пришел домой из школы, а мать мыла пол и рыдала. Я стал спрашивать, что случилось. Мама ответила сквозь слезы: «Да все хорошо, просто взгрустнулось что-то...» Мы никогда не любили делиться сокровенным, даже со своими близкими, не могли показывать свою слабость. Поэтому я сам додумал, что именно так расстроило мать. Тогда она была еще не старой женщиной, ей не было и пятидесяти лет, но ей было очень одиноко и страшно. Страшно за сына, растущего в нищете полусиротой, за наше будущее. И безумно одиноко, ведь ей не с кем было обсудить все эти страхи. Мой старший брат нас реально бросил, никак не поддерживал и появлялся только затем, чтобы просить у матери деньги. На фоне такой безысходности одна из маминых подруг познакомилась с мужчиной. Даже мне, ребенку, тогда было понятно по рассказам матери, что это очень плохой вариант. Он отсидел год, был очень страшный на вид, почти не имел зубов и перебивался случайными заработками. Вначале у него не было жилья, он жил со своей матерью, но очень скоро переехал к нам. И первые месяцы все было даже нормально. Но потом он начал пить. Брал полтора литра пива, и к концу этого объема был уже «в дрова». Кстати, до того, как они

съехались, он уверял, что пьет мало, — и это было действительно так. Видимо, это тюремное умение — напиваться с очень малого количества.

Небольшая ремарка: хоть я и понимаю, что о мертвом человеке нельзя говорить плохо, но всю мою старшую школу он превратил в ад. Он умер довольно плохо и в одиночестве. Я рад, что мама нашла-таки силы выгнать его. У своей матери он забрал патефон и всего единственную пластинку к нему — это была популярная в 1980-е годы итальянская поп-группа. И когда довольно быстро напивался, крутил эту пластинку. И по этой громкой музыке из-за двери я, когда возвращался из школы, уже понимал, пьяный он или нет, и такая музыка была чуть ли не каждый день, с постоянной руганью, поэтому возвращаться домой мне совсем не хотелось. Все это продолжалось примерно до одиннадцатого класса. И самое ужасное, что мы жили не в какой-то деревне, закрыто, сами по себе — мы жили в городе. Моя мама работала, к нам приходили гости, в квартире напротив жил милиционер, и, естественно, они все это видели. Во время очередных разборок мы с мамой, напуганные, не раз обращались к соседу, чтобы он хоть как-то помог. Но люди — мрази. Именно тогда я понял, что конкретно я — один. Нет вообще никого, на кого можно рассчитывать. Нет никого, кто может, хочет оказать какую-то помощь. И все, что у меня будет, я могу получить только сам.

Это было то распустье, когда я мог вырасти маньяком, пре-

ступником или тем, кем я вырос. К слову, наверняка у меня есть какие-то психические отклонения. Но я не могу обидеть даже кошку. Года три назад я случайно задавил жука и скорблю о нем до сих пор. Увидев весь ужас, который может принести один человек другим людям, я поклялся никогда не вырасти таким же. В это время я начал пить, курить, даже несколько раз возвращался пьяный домой. Но даже напиваясь, я сравнивал себя с дядей Сашей и изо всех сил старался не быть похожим на него. Чтобы вы понимали: я давно простил его — в конечном счете на его примере я узнал, как низко может пасть человек.

Расскажу, как все закончилось. Как-то вечером он опять напился и сильно ругался с моей мамой. Когда дело вот-вот должно было дойти до рукоприкладства, я заступился за свою мать. Я просто встал между ними. Он замахнулся. Я толкнул его. Поскольку он был пьян, четырнадцатилетний подросток довольно легко с ним справился. Я несколько раз ударил его по лицу. Потом, испугавшись последствий, просто отпустил его. Я думаю, тогда мама поняла, что наступил предел: либо он нас убьет, либо я его. Мать забрала у него ключи и просто не впустила его домой.

Все это не могло не сказаться на моих музыкальных вкусах. Группа Esoteric, песня Cipher: все мрачно и монотонно, бесконечный серый пейзаж улицы, такие же серые люди идут в разные стороны. На углу серого дома стоит и курит моло-

дой человек. Голова его скрыта капюшоном и опущена вниз. Дует холодный ветер. Капает мелкий дождь. Но ни для человека, ни для прохожих это не имеет значения. С крыш домов кажется, что человек неподвижен, в то время как люди вокруг бегут по одним им известным делам. И можно легко представить себе, что по улице манерно идут джентльмены со своими дамами, а по проспекту движется череда конных повозок. Но точно так же человек в капюшоне продолжает бессмысленно курить. Не имеет значения, какая эпоха на дворе, какие люди все это видят — есть только тяжелая человеческая драма, которая заставляет человека слиться со стенами этого дома. У него нет никаких желаний, никаких идей. Время остановилось для него, и его единственная мысль: лишь бы сигареты не кончились. Прохожие могут внезапно начать двигаться быстрее скорости света или могут одновременно вовсе пропасть. Могут исчезнуть все дома. Старый каменный дом может быть заменен огромным стеклянным небоскребом. Но общая драма останется неизменной: серое небо, слившееся с серым асфальтом, серые мельтешащие люди и человек, который сигарету за сигаретой курит на углу дома.

Можно отметить, что музыка сыграла очень большую роль в моей жизни. Формировала мое мировоззрение, меня как личность. Возможно, даже определенные качества, такие как целеустремленность и упрямство, тоже взрастила во мне

именно музыка. Опять же, забегая немного вперед... После университета, после флота я играл в группе на басу, получалось это крайне паршиво, но мне нравилось играть с ребятами и нравилось, что меня терпели. К слову, я так и не научился нормально играть...

В школе, примерно в восьмом классе, я очень увлекся компьютерной техникой. Поскольку семья у нас была довольно бедная, о нормальном компьютере я не мог даже мечтать. Первый мой компьютер был «Компаньон-2», немного переделанный, с дисководом. Он научил меня многому. Прежде всего, он ввел меня в тусовку компьютерных гиков. Именно на «Компаньоне», а позже на «Профи-256к» я начал рисовать. По сути, это были мои первые шаги в творчестве. Убого что-то рисуя, я посещал компьютерные конкурсы в других городах со своими новыми друзьями. Мне все это было очень интересно, хоть я мало что в этом понимал. Мои новые друзья учились в университетах, в основном на программистов. Я был самый молодой среди них, мне было двенадцать-тринадцать лет, в то время как им было за двадцать. Видимо, в своем мировоззрении и в личностном росте я казался старше своих лет, поэтому они меня принимали. А я просто был рад новым друзьям с похожими интересами. Мы часто собирались — выпивали, обсуждали компьютерное. Не хотел, но все-таки придется немножечко затронуть тонкости. Для большинства людей компьютеры — это про-

сто компьютеры, и все. Но в нашей среде было жесткое разделение по типу процессора, по архитектуре. И конкретно «Компаньон» и вся субкультура вокруг него считались андерграундом компьютерного мира.

Именно тогда я познакомился с довольно малоизвестной музыкой. Такие направления, как Doom, Funeral Doom, на многие годы определили меня.

Именно тогда я начал писать. Писал я мрачно, довольно страшно. Мне и тем, кто читал, это нравилось. Графоманией я не страдал, но все же написал довольно много с тех лет. Это были короткие рассказы, а еще стихи — в гораздо меньшем количестве. Я со школы не любил поэзию: казалось, что она ограничивает. Но это сугубо мое мнение. Я буду вставлять в текст книги свои рассказы. Они не имеют сюжета, в них нет главного героя. Для меня они были словно картины — то есть их нужно было прочитать, закрыть глаза и представить все прочитанное. Если вам это покажется слишком мрачным, просто вспомните то, что я выше написал о своей жизни. Многое я не мог высказать никому, эти переживания были во мне, и они были довольно болезненными. Боль была не химической, скорее душевной — вряд ли я смогу передать это. И когда я все это выплескивал на бумагу, эта душевная боль на какое-то время исчезала.

Сейчас мне тридцать шесть лет, но эти ощущения не ушли, только притупились. Притупились настолько, что я перестал писать и смог спрятаться от всего в работе. Есть

мнение, что именно моя увлеченность работой привела меня в инвалидное кресло-коляску. Но если когда-нибудь мне суждено будет встать из этого кресла, именно мое безумие позволит мне это сделать.

К сожалению, многая часть рассказов не сохранилась — публикую то, что нашел.

Молодой художник в своем воображении, а после на холсте порождает неведомых и жутких существ. Может, и вокруг все такое серое и мрачное, потому что художников теперь прельщает экспрессия, эпатаж, кошмар и противоречивость. И потребителя найти на такое ну очень легко. Каждый теперь глубоко внутри вампир, оборотень, ангел, котенок, лисенок, зайчонок и прочая нечисть. Людей вокруг и нет почти. Вот и делимся на тех, кто кровавую грязь производит, и на тех, кто ее потребляет, — к сожалению, третьего не дано. Если грязь эта не кровава прямым текстом, значит, она кровава в своем подтексте. Секс, кровь, потребительство и саморазрушение — это курс нового мира. Производители грязи равны потребителям — только последним, как им кажется, уже и стремиться не к чему. Вот только жить все страшнее, особенно если иногда по сторонам озираться.

Настойчиво и монотонно за границу забытья стучался день. Грохотом колес, сонмом далеких голосов, удушливыми

парами, грязным уродливым солнцем за немывыми тучами. Удивительно, однако если пересилить его и не дать всему этому грохоту и цветной мешанине разогнать блаженное ночное забытие, то ничего не изменится. День просто пройдет мимо. Попробует то же самое в следующий раз. По кругу этот номер день исполняет уже не одну тысячу лет. И будет продолжать исполнять, совершенно независимо от того, что кто-то сегодня победил его и не откликнулся на его сумбурные позывы. Очень необычно грезить наяву подобными кошмарами. К сожалению, глаза вновь открыты, а вокруг ничего не изменилось. Серый туман вокруг, серая грязь под ногами. В натуральном мире натуральных вещей нет ничего больше, кроме этого. Иной раз, по неведомой причине, окружающее составляет в причудливые картины. Но чаще всего туман протекает в одном направлении. Ветер шептал, что далеко-далеко туман собирается в огромный мутный водяной поток и тут же с грохотом рушится в бездну. До дна той бездны нет доступа даже ветру, но туману доступ есть. Доставая до глубин, он разбивается на мелкую пыль. Неспешно клубясь, поднимается обратно из жуткой бездонной бездны.

Может, мысли эти, но, скорее, что-то другое вновь стало менять окружающее. Быстро и стремительно — так, как это бывает всегда. Серое пустое небо неожиданно заимело необычайную глубину и почернело. Тускло зажглись на нем холодные и колющие звезды. Глубина неба поражала

и пугала. Пугал и тот факт, что небо разрослось во всех направлениях. Под ногами была пустота, и со всех сторон, безмолвно безразличные, смотрели холодные звезды. Неподвижность холодной пустоты нарушала маленькая точка, которая, приближаясь, быстро росла. Завороженный происходящим, я не заметил, как нечто выросло передо мной в тесную клетку из толстых металлических прутьев. В клетке метался человек, сломленный безумием до животного состояния. Он кричал и ругался. Правильнее сказать, что он выл, как будто сама окружающая пустота рвала его на части. Однако в реве этом можно было разобрать отдельные слова. Смысл слов как нельзя подходил к образу безумца: «Вой, кричи, как тысяча чертей воеет в аду. Вой и ори так же. И радуйся, что боль все еще с тобой, — потому что, если есть боль, значит еще жив». Вольно и не дословно запомнились мне слова его. Все же что-то было в его безумии такое, о чем не хотелось даже думать.

Спектакль пустого тумана заканчивался. Все таяло в серости. И вот уже даже безумные крики пропали в затянувшейся все вате тумана. Остался только я, пораженный и сломленный неясной картиной.

И раскачивается, шатается, как старый больной зуб в десне, с той же самой болью, с небольшими подтеками крови и грязи, чтобы после сорваться и пропасть. Обхватив лысую голову руками, пациент сидел на дне своего колод-

ца. Добрая медсестра называла это место палатой. Пациент сидел на холодном полу. Подобно маятнику, он заполнял все свое нынешнее состояние движением — мерным покачиванием вперед и назад. Голова обхвачена руками, локоть коснулся колена. Три секунды — локоть коснулся колена. Еще так много надо сделать! Сосчитать покачивания вперед-назад, сосчитать цифры в обратном порядке. Поймать паука. Не дать пауку сожрать себя и поймать его прежде, чем он проснется, — иначе придется заново возродиться из отхожего места. Лишь бы таблетки не отпускали до вечера и голова оставалась такой же ясной. Нужно записать — всенепременно нужно все записать! Столько дел, столько дел! О боже, как много дел! Но что-то же можно отложить! Паук пока спит. Шорох в коридоре, за маленьким зарешеченным окном. Уборщица машет грязной шваброй по грязному полу. Движения швабры, как и движения пациента, как и движения самой уборщицы, отработаны и четки. Они повторяются уже не один десяток лет. Уборщица не думает о таблетках, она вообще не думает, только машет тряпкой из стороны в сторону, потому что это ее обычное дело в это время.

Больной в палате-колодце встал и трижды стукнулся головой об стену — с недавнего времени он стал делать это регулярно. Уборщица обмакнула швабру в грязную воду и остановилась на несколько секунд, чтобы обдумать посетившую ее мысль: «Осточертело все, напьюсь сегодня.

Может, завтра полегче будет». Ход мыслей прервал новый звук: медсестра, большая женщина, неуклюже переступала грязную лужу и смачно шлепнула тапкой. На громкий звук немедленно завывли из нескольких палат. Медсестра могла идти и думать, поэтому, пока сделала несколько шагов до уборщицы, успела смутиться своей неуклюжей полнотой, расстроиться и осерчать на уборщицу.

— Вы бы тряпочку-то посильнее выжимали! — недовольно сказала медсестра, на что уборщица не отреагировала никак. Потому что и это недовольство, как и все описанные ранее движения, повторялось с безумной периодичностью.

Сидевший на дне колодца сумел поймать некий определенный ритм раскачиваний. Мысли покинули его, и он уснул с открытыми глазами и крепко зажатой в руках лысой головой. Прошлепала тряпкой уборщица. Одни и те же люди много раз прошли в одних и тех же направлениях. Наступила ночь. Безумец все раскачивался и витал где-то в далекой стране грез, в то время как в темном углу проснулся черный паук. Безо всяких потягиваний, деловито и четко он направился прямоком к безумному заложнику колодца, который добрая медсестра звала палатой. До рассвета черный паук успеет сожрать бедолагу. И все это под вой пустого коридора, по сторонам которого натыканы такие же заложники собственных мыслей.

Летом, между десятым и одиннадцатым классами, я умудрился устроиться работать в магазин «Тысяча мелочей». В ассортименте там был всякий хлам — такой филиал «Алиэкспресса» у вас во дворе. Хозяева магазина были родителями моей одноклассницы. Сначала они с недоверием относились ко мне. Но, поскольку у меня получалось торговать всем этим и я был довольно обязательным, вскоре их недоверие сменилось на симпатию. Мне не очень нравилось торговать, но очень нравилось, что меня хвалят, что я полезен. На заработанные деньги я тогда купил свой первый сотовый телефон. Тогда, в начале двухтысячных годов, сотовые телефоны были большой редкостью. А тот факт, что я самостоятельно заработал эти деньги, очень сильно возвысил меня в собственных глазах: ведь, в отличие от многих моих сверстников, я не жил на всем готовом и меня не баловали родители. Позже, когда после одиннадцатого класса я уехал из родного дома, этот телефон мне сильно пригодился.

Когда учился в школе, не задумывался о том, что буду делать потом. В тех обстоятельствах само по себе получение аттестата уже можно было считать достижением. Совершенно случайно я услышал от одноклассника, что железная дорога дает направление на обучение в профильный вуз. У меня не было никакой тяги к романтике железных дорог, но они обещали помочь устроиться в университет и даже обещали работу после. И я воспользовался этой возможностью и в итоге был зачислен в Уральский государственный уни-

верситет путей сообщения в Екатеринбурге с проживанием в общежитии университета. Тогда мне казалось, что это решало все мои проблемы: теперь я выучусь и буду работать на железной дороге, так и сложится моя жизнь. Много позже все пойдет совсем по другому пути, ну а тогда было лето в одиннадцатом классе — последнее лето в городе Сарапуле. Мы много гуляли ночами, ночевали в саду, я наблюдал любовные похождения своего друга. Сам я у девушек успехом никогда не пользовался, но и страданий по этому поводу никогда не испытывал. Тогда увлекся одноклассницей — ну, или придумал себе такое увлечение... Она тоже любила тяжелую музыку, была сторонницей субкультуры готов, что мне тоже сильно нравилось. Естественно, ни к чему это не привело. У нее были отношения и с более взрослыми, и с детьми, и меня она отвергла, как стало потом ясно, это, наверное, было и к лучшему. Но при этом она никогда не отпускала меня, всегда держала рядом. Как это теперь модно называть — френдзона.

Помню один случай: мне надо было ехать в Екатеринбург подавать документы, но билеты я мог купить только ночью. Билет тогда стоил рублей триста. Это были не сильно большие, но и не малые деньги. В преддверии поездки мы напились, и ночью я пошел за билетами. Купил билеты и возвращался с железнодорожного вокзала домой пешком. Примерно через квартал от вокзала заметил, что за мной идут два

человека. Причем они преследовали именно меня: я специально несколько раз перешел улицу со стороны на сторону, и они сделали то же самое. Попробовал скрыться во дворах, но в одном из дворов они меня поймали. Это были простые хулиганы. Они обшмонали мои карманы, требовали деньги, в какой-то момент захотели забрать мою куртку. Я очень умело прикидываюсь дураком, и тогда я прикинулся, что жутко напуган и просто не понимаю, чего они от меня хотят. Один из них не вытерпел этой клоунады и ударил меня по лицу. Меня покачнуло, и я сорвался бежать. Уже рассветало, на улице начали появляться люди, и поэтому те двое не стали гнаться за мной. До самого дома я бежал — и надо ли говорить, что прибежал я абсолютно трезвый!

Наверное, самый плодотворный этап моей писанины — это университетские годы. Так плохо и тоскливо мне, пожалуй, в жизни еще не было. Я жил в общежитии, был, напомним, подростком крайне закомплексованным, но уже тогда что-то начало формироваться во мне. Как бы ни было мне трудно, но я отказался от любых денег от своей матери. Спустя годы это кажется глупым, но тогда это имело смысл. Именно перенесенный ад выковал меня. Много из студенческих будней сейчас неприятно вспоминать. Например, ту регулярную «шефскую» помощь, которую студенты оказывали колхозникам. В советские времена была такая практика: каждое предприятие имело подшефное сельское хозяйство. Это зна-

чит, что сотрудники предприятия участвовали в уборке урожая или в других сельхозработах. Этаким советский тимбилдинг. За предоставление рабочей силы предприятие получало скидку на овощи. Ездили на сельхозработы и студенты нашего университета. И в один из последних таких выездов девушку-студентку задавил трактор. Насмерть. Она устала и отдыхала лежа на земле, а поскольку все мы были в грязи, тракторист просто не заметил ее.

Вся эта уборочная кампания проходила в совершенно адских условиях для студентов. На улице всегда было холодно и дождливо — это осень на Урале. Нас поселили в тесный барак, окна были затянуты пленкой, стекол не было. Барак был побелен, причем буквально весь — и стены, и пол. Не хотелось рассказывать, но для полноты картины это необходимо: на улице был сельский туалет на две кабинки, он совершенно не выделялся из общей картины и тоже был полностью побелен. Одна загвоздка: туалет перед этим не помыли. То есть прямо на грязь (вы понимаете, какая грязь есть в туалете!) нанесли белила. Рядом с этим памятником сюрреализму было корыто, в котором мы умывались — естественно, ледяной водой.

Я опишу буквально один день таких сельхозработ. Подъем ровно в шесть утра. Примерно час на то, чтобы заправить постель, одеться, умыться и погрузиться в автобус, который повезет в столовую. Кормили крайне скудно: на завтрак это была пустая каша с кружкой чая. Потом нас вывозили в поля.

На улице сыро, холодно и ветрено. Нас выкидывали где-то в поле, давали ведра и указывали контейнер, в который загружать картошку. Поля были от горизонта до горизонта. До этого трактор эту картошку выкопал. Нам надо было ее собирать и ссыпать в контейнер. Студенты старших курсов были нашими надзирателями. Они нас беспрестанно подгоняли и в целом контролировали нашу деятельность. Казалось бы, ничего такого: на свежем воздухе, с друзьями-студентами. Но есть несколько но. Нам было по семнадцать лет. Никто никого не знал. Мы были постоянно голодные. Постоянно в сырой одежде. К тому же там не было душа — от слова «совсем». Ополоснуть себя можно было холодной водой в корыте на улице. И это продолжалось месяц.

Я думаю, не стоит удивляться, что та девушка, грязная, голодная и злая, так устала, что прилегла прямо на землю. Думаю, тракториста винить тоже не следует: заметить ее было крайне трудно.

Мы ели сырую картошку, морковку и все те овощи, которые собирали.

За месяц рабского труда в колхозе нам заплатили по 900 рублей. Естественно, вчерашние школьники тут же бросились пропивать нежданные капиталы. Тогда начались первые стычки со старшими курсами. В универе была натуральная дедовщина: те, кто прожил в общежитии больше года, чувствовали свое превосходство над бывшими школьниками.

ми. Довольно часто можно было наблюдать картину, когда с верхних этажей по водосточной трубе или по связанным простыням спускался очередной первокурсник и бежал ночью за пивом для старших. Как ни странно, сломанные спины и падения были всего два раза. Нам, вчерашним школьникам, было очень страшно. Всегда, когда ночью по коридору кто-то шел, мы молились про себя: «Лишь бы не в нашу комнату!» Из взрослых на все общежитие было несколько семей, которым в принципе не было дела до нас, и вахтерша, которая следила за тем, чтобы не курили на этажах.

В какой-то день, точнее, вечер, к нам не стали стучать: дверь открыли решительно с ноги, сорвав хилый замок и петли. Вошли три второкурсника, бывшие детдомовцы, пьяные. Может, они даже были в хорошем настроении, но молодая кровь и алкоголь требовали драки. Поэтому, почти без разговоров, они начали бить самого хилого из нас. В ужасе мы просто сидели и смотрели. Наверняка стоило заступиться за товарища — и отхватить вместе с ним. Но нам было страшно. Мне было страшно. Мне было очень страшно. Самое страшное в этом было, что все это не закончится в течение пяти лет. То есть, конечно, ко второму курсу к нам уже относились более-менее нормально. Но требовалось поддерживать дедовщину, то есть угнетать первокурсников. Я никогда не любил людей и мне никогда ничего от них не надо было, но, чтобы не быть чмо, надо было учить жизни молодых. Основной урок заключался в уважении к более стар-

шим. Почему-то урок этот можно было преподать только кулаками. Как бы пропадало из виду, что разница между 17 и 18 годами, да даже между 17 и 22, вообще несущественная. То есть мое личное мнение: людей моложе 30 лет не существует. Моложе 30 лет — личинки человека. Будущие люди, но еще далеко не люди.

И при всем при этом у меня не было денег. То есть их не было даже буквально на еду. Поэтому я быстро устроился на стройку, где зарабатывал сто рублей в день — этого хватало на две банки пива и на какую-то лапшу быстрого приготовления. Иногда получалось скопить на килограмм пельменей. Уникальные пельмени «Три молодых бычка» стоили очень дешево, но, судя по вкусу, их делали из окурков. Они неплохо утоляли голод; если зажать нос, их можно было есть. Поэтому они стали моим главным блюдом на следующие пять лет. Я вставал рано утром, с трудом отсиживал пары, быстро закидывал в себя горсть пельменей и шел на стройку, где до самого позднего вечера вкалывал простым разнорабочим. На первом курсе было очень тяжело, единственная цель была — не вылететь на первой же сессии.

По итогу я не только справился с этой задачей, но даже получил по окончании вуза приглашение в аспирантуру от заведующего кафедрой. Хотя диплом у меня был обычным — синим. Этим приглашением я не воспользовался, поскольку к тому времени уже понял, что строить железные доро-

ги мне неинтересно. Гораздо больше меня привлекала электроника, а именно радиотехника. К концу первого курса я собрал миниатюрный радиопередатчик, чтобы проще было сдать экзамен по химии. Сигнал спокойно ловился на миниатюрное радио. И идея была продиктовать ответ на билет однокласснику из коридора. Но по какой-то причине (то ли из страха быть пойманным, то ли еще почему) устройство класса «профессор — лопух, но аппаратура при нем» так и не было использовано на практике. Я просто выучил предмет и сдал экзамен на свою пятерку, ведь химию я любил даже в школе.

Всегда, когда оставался один, что было довольно редко, я писал...

«Делай свое дело! Ну же — делай свое грязное дело!»
Надорванный голос солиста «Биопсихоза», немало обработанный электроникой, ревел созвучно инструментам. Ненависть в голосе, ненависть в каждом аккорде. Если закрыть глаза и сосредоточиться на звуке, то сразу представляется картина, будто из колонок разливается по комнате концентрированная злоба. Тщательно просеянная, упакованная и продуманная. Осознанная злоба, с горечью и болью. Черно-фиолетовой вуалью она окутывает голову слушающего, погружая его в темные грезы, которые пережил сам автор и исполнитель. Именно так ценитель находит нечто прекрасное в горах, тоннах и километрах серой посредствен-

ности. Только лишь по этому состоянию. И только по нему можно вообще узнать музыку, познать ее тайную власть над окружающим. Проникнувшись и пропитавшись насквозь этим ревом сорванных в хрип голосов, автоматными очередями барабанных дробей, безумным воем гитар и синтезаторов — только так можно услышать гармонию в этой мнимой какофонии. Пережитые ощущения уже никогда не забудутся, и жажда испытать их по новой вернется очень скоро. Очень скоро та самая концентрированная злоба или боль с отчаянием не просто обволакивают слушающего, но и его самого делают частью этой гармонии. Сопереживание становится полным, а тяга к подобным эмоциям — непреодолимой. И совершенно неважными становятся слова песни, в которых клянут жестоких богов или им же грозят страшной мстью. Голос, как и сами слова, становится инструментом, неотъемлемой частью этой удивительной картины, нарисованной звуками. Но что-то на фоне мешает и жуужжит, заставляя открыть глаза и оторваться от этого удивительного сна наяву. «Как ты можешь слушать это? Это же ужасно, здесь нет музыки, один крик и какой-то грохот. У меня уже голова болит, как можно такое слушать постоянно?»

Покорно, с улыбкой, выключаю звук. И неловко от этой улыбки, самостоятельно забравшейся на лицо. Все равно что улыбаться просьбе слепого выключить свет.

Справедливости ради стоит отметить, что с творчеством группы «Биопсихоз» я познакомился уже в конце университета. Тогда меня завораживала группа «Психея». Но, к сожалению, хронологию всех своих рассказов мне восстановить не удастся. Просто это написано примерно в то время.

Еще немного времени пройдет, и уже даже этих слов не станет. Сейчас нет ничего. И никого нет. Ни к кому не обращаясь, сижу на камне посреди тумана. Под ногами только грязь, над головой только дождь. Никакого тепла, никакого света. Я хочу Пустоты и Покоя. В очередной раз что-то незаметно поменялось. И вокруг пусто, внутри пусто. И меня уже нет, я сам туман. Я покрываю собой — плотной коркой — тело планеты. Колыхаюсь и пожираю ее. Меня рвет и пучит войнами, геноцидами. Но я продолжаю становиться все плотнее и плотнее. Мой аппетит неуголим. Иногда смельчаки зажигают факелы, поднимают вилы и идут воевать со мной. Рубят ветер, просеивают воду. Но от этого умирают сами. А я прячу их тела в земле, чтобы после положенного круга употребить их по новой. Когда-то у меня была мечта: собрать большие корабли и разнести себя по многим планетам. Сожрать их и двинуться еще дальше. Но я стал слишком тупым, жирным и ленивым. Уже не способен создать ничего, кроме продуктов своей жизнедеятельности — гор трупов, спрятанных в земле или просеянных через горнила печей. Но я не грущу по этому поводу, ведь

я жру, я сыт и буду сыт, пока не сдохну. Значит, я чего-то добился и достиг.

Зеркало, лежавшее передо мной и показывавшее все сказанное выше, лопнуло и растаяло холодными серыми струйкам дыма, а я вновь остался один. И уже вовсе ни к кому не обращаясь, забылся сном без сновидений. На этот раз я точно спал и сердце мое не билось.

Про свое сердце расскажу подробнее. Может, это связано с потерей чувствительности, может, еще с чем, но довольно продолжительное время я не мог прощупать собственный пульс. Ни на шее, ни непосредственно над сердцем. При этом супруга отчетливо слышала мое сердцебиение — чересчур сильные удары. Наверняка это было не так. Но меня посетила мысль, что Новый Завет Библии — это не история жизни одного человека, а учебник, как каждому надо прожить жизнь. Ведь если вдуматься, то там описана жизнь удивительного человека, который всегда верил в собственные убеждения, в собственный путь и на своем пути пытался дарить добро всем. Я верующий человек. Верю в Бога. Но не верю ни в одну религию. Несомненно, они имеют что-то общее. Но вера и религия — абсолютно разные вещи. Например, огонь и вода есть на земле. Это две стихии огромной разрушительной мощи, но также могущие нести огромную пользу. Вот у религии и веры примерно столько же общего. Но это только мое мнение. Так о чем это я? Как извест-

но, свой жизненный путь Иисус закончил, воскреснув. Так и каждому, по моему мнению, необходимо духовно воскреснуть. По первым страницам этой моей книги понятно, что жизнь у меня была не из легких. Наверняка мое увлечение готикой, тяжелой музыкой, депрессивными состояниями — результат этой непростой жизни. Все это время я не верил в Бога. Точнее, верил, но считал себя сторонником Тьмы. А что-то изменилось во мне ближе к 30 годам, когда я уже точно знал, что неизлечимо болен, точно знал, что меня ждет, но уже осознал, что я осколок Бога, частица Света и это никак не связано с моей болезнью. Позже я обязательно расскажу, что никогда не молил о том, чтобы она прошла. Ведь в какой-то момент времени мое сердце, по моим мыслям, остановилось. Однако сейчас оно бьется, как и прежде. Я чувствую каждый его удар. Я ощущаю каждый его удар, и как никогда я хочу жить дальше. Скептики увидят в этом только лишь подобие той мысли, что под пулями в окопах неверующих нет. Я же считаю свое перерождение неизбежным этапом. То есть неважно когда, но оно бы все равно произошло. И оно рано или поздно произойдет с каждым. Наверняка у кого-то эта моя книга не вызовет доверия и автор покажется очередным «веруном». Но смею заверить: Свет невозможно познать, не познав Тьмы. И если делить книгу на части, то эту часть, несомненно, можно назвать «Падение в бездну». Вся моя жизнь с самого моего рождения подталкивала меня к этой бездне. Я покорно шел, вдохновляясь мрачными иде-

ями и подростковой тягой ко всему потустороннему и злому. Но в какой-то момент времени я изменился. Жизнь моя от этого не наладилась, но, во всяком случае, я смирился со своим путем. Я пытаюсь нести добро. И, подобно Иисусу, я воскрес (метафорически и духовно).

Ониксовая чернота зеркальной глади небольшой лужи пошла мелкой рябью. Серая бумажная маска выпрыгнула на поверхность озорной рыбкой и тут же прекратила всякое движение. Черная лужа с бумажной маской в центре сделалась единым неподвижным элементом серого пейзажа. Серый асфальт, весь в паутине трещин, с черной мертвой травой. Мусор и липкая коричневая грязь. Все-таки как-то не так смотрится эта стеклянная лужа посреди всего этого. Карикатурное лицо на маске улыбнулось, после оскалило пустой провал рта в жуткой усмешке. Чуть приоткрытые рисованные глаза округлились, добавили безумия. Вся маска ожила — не маска уже, лицо. Оно покрылось морщинами злобы и страха, задергалось вначале, а после движение слилось в неясную размытую мешанину, в которой четко различались только растянутый в неестественном оскале рот и пустые провалы глазниц. Маска начала подниматься вверх, увлекая за собой остекленевшую чернь воды. Совсем быстро выросло существо в стеклянном черном балахоне с удивительной маской на лице. Встряхнулось, как мокрая собака. По балахону прошла мелкая рябь и хрустальный тон-

кий звон. Существо повернулось на восток и неспешно двинулось в сторону восходящего Черного Солнца. Разруха мира и окоченелые внутренности старой эпохи совершенно не трогали его черное нутро. Черная радость и сбывшаяся надежда исходили от него подобно тленному запаху. И от недоброй этой ауры завывли выжившие чуткие псы, замерли крысы, остатки нелепой жизни испугались еще раз. Но твари не было дела до дрожащей фауны мертвых городов. Не было дела до сотен стен, что поломанными зубами вставляли на ее прямом, как натянутая струна, пути. Долго продолжалась дорога чужеродного создания, и закончилась она на обрыве той самой черной скалы на берегу моря, которую эонами держал корнями окаменевший дуб-великан. Закаменелое дерево признало старого знакомого. От дерева так же веяло черной злобой и радостным ожиданием. Чернотой подернулся серый горизонт. Великое Темное Пламя разгоралось на самой кромке его. В голос выли уже не только собаки и прочие твари, но и сам ветер. Горы и море. Ужасный пожар быстро разрастался, оставаясь по форме гигантским кругом с темной огненной аурой по контуру. Становилось все темнее. Агония сводила судорогой корку мира, но хлещущие потоки огня не могли ничего поделать с рассветным Черным Светилом. Мрак поглощал все. Все застывало навеки в черноте Пустоты — время, звук, материя. Ужас и боль — все это неизбежно теперь для всего оставшегося здесь. Чернота сковала небосвод целиком. В новой вековечной но-

чи не стало уже ни земли, ни неба. Вокруг только жуткий вой и рев, грохот, скрежет, свист, вечная агония гибнущего мироздания. Среди непроглядного мрака горел красным ртом, растянутый в невероятно широкой усмешке, и пустые красные глазницы. Бледнее выделялся кровавым огнем иссохший стан дерева. Они уйдут отсюда только с последним хрипом отжившей свое материи. А пока они наблюдают результаты своих трудов.

Я много писал. Не всегда то, что я писал, было понятно даже мне. Я крайне неохотно давал это читать кому-либо. Но с одной далекой знакомой все же делился. То ли она просто хотела меня поддержать. Может, эти рассказы действительно вызывали в ней какие-то эмоции. Говорила, что ей нравится. Мы подолгу могли обсуждать написанное. Никогда не видел ее лично, и познакомились мы в популярных тогда чатах. Позже, когда я был уже на флоте, написал ей, что, возможно, когда-нибудь я буду проездом в Израиле и мы сможем увидеться. Чем немало ее испугал — ведь у нее был муж и двое детей.

С большим трудом я закончил первый курс. Мне не было куда и к кому ехать. Поэтому я наслаждался одинокой жизнью в общежитии и все еще перебивался случайными заработками. В самом конце первого курса мы обмывали очередной экзамен и в какой-то момент отправились опять за пи-

вом. На выходе из магазина нас встретила группа, человек шесть. Довольно быстро они выяснили, что денег у нас нет, и начали драку. Я был самый длинный и тощий, поэтому начали с меня. Как-то мне удалось избежать больших повреждений: синяков почти не было, но очень больно было открывать рот, трудно было говорить и есть. Я понимал, что именно алкоголь довел меня до этого, поэтому бросил пить и не пил месяца три-четыре. Стоит ли говорить, что это были самые продуктивные месяцы моей жизни в Екатеринбурге? Да, мне было страшно пить, входить в тот же магазин: просто боялся нового избиения. Но при этом я умудрился устроиться на работу в университет компьютерным специалистом — эникейщиком. У нас там был целый отдел из студентов. С учетом пенсии по потере кормильца я стал зарабатывать неплохие деньги. Конечно, все относительно: я жил в общежитии, то есть почти не платил за жилье; был крайне непритязателен в еде, очень редко покупал себе новую одежду (эти привычки, кстати, и сейчас остались). Но тогда это был огромный прорыв: я занимался тем, что мне нравилось, перестал безумно уставать на стройке, зауважал сам себя. Я помогал решать компьютерные проблемы преподавателям, иногда и своим.

Например, был такой случай. Обычно на занятиях мне было скучно, но те пары, где преподаватель отмечал присутствие студентов, приходилось посещать. Поэтому я приносивился читать книжку на последней парте. Я надевал науш-

ники, включал погромче музыку, прятался за спинами одноклассников, доставал свою любимую книгу. В этот раз я поступил точно так же. Видимо, совершенно обнаглев, я уснул лицом на книжке, с наушниками на ушах. Проснулся минут через двадцать. Все смотрели на меня и ржали, а преподаватель дергал за руку. Он выгнал меня с пары и сказал больше не приходить. Но в этот же день после обеда этот же преподаватель позвонил к нам в отдел и попросил посмотреть, что у него случилось с компьютером. Я отправился к нему на вызов и, состроив самое виноватое лицо, вошел в его кабинет. Преподаватель сильно удивился, увидев меня, а потом ему пришлось удивиться еще раз, когда я ему все сделал, — все-таки я неплохо разбирался в компьютерах и в их ремонте. Он сказал мне тогда: «Принесешь зачетку — и чтобы я больше никогда тебя не видел». Да, вы все правильно поняли: я получил зачет автоматом за то, что починил компьютер.

Другой случай: мой начальник, тоже студент, как-то сказал мне позвонить по номеру. Я позвонил. Ответила женщина, которая преподавала у меня строительную механику. Она попросила настроить ей домашний компьютер. Я согласился. В выходные я пришел к ней домой. Довольно быстро переустановил операционную систему — предустановленную Windows Vista на привычную для преподавательницы Windows XP. Кто помнит, тогда компьютерщики очень много денег на этом зарабатывали, но я не взял с нее ни копейки. А пока настраивал компьютер, очень много говорил о том,

как мне нравится это занятие, о том, что свое образование в вузе получаю только ради диплома, а все мои жизненные планы связаны с компьютерами. Позже, у нее на экзамене, я откровенно плыл: из трех вопросов не ответил правильно ни на один. Но она меня помнила, поэтому поставила мне тройку и взяла с меня обещание никогда больше не соваться на стройку.

Относительные успехи в учебе, на работе, мой авторитет эникейщика у одноклассников довольно быстро вскружили мне голову, и я опять начал пить — вместе со своими новыми коллегами, прямо на рабочем месте. Мы затаривались пивом, играли в сетевые компьютерные игры, смотрели кино и обсуждали разные студенческие темы. Один из моих коллег был полным сиротой, мы довольно быстро подружись... к сожалению, все это привело к запою.

Блуждая в тени, проникая сквозь плотную серую толщу, незаметно для себя я оказался на ровной квадратной поляне. Непривычный пейзаж немедленно заставил открыть глаза. Серое небо проросло глубиной миллиона звезд. Грязь под ногами застыла, выросла кристаллами льда, позеленела, почернела, стала вялой травой. Окружающий туман принял форму бесконечности и провалился сам в себя видимой Пустотой. Чернота трав собрала с морозного воздуха иней и заигрывала с небом тысячей неуловимых светлячков. Немного в стороне игрой света обозначился старый пенек. Я

принял его приглашение и присел. Тишина звезд успокаивала. Возникший легкий ветер шептался с мертвой травой, гонял волны холодных искр. Любая подвижность тумана таит в себе страшную тайну. Чаще всего открывается новая грань блуждающей по туману неприкаянной души. Лишь изредка случай показывает что-то, дающее надежду.

Пень, служивший мне стулом, начал расцветать и проращать кривыми колючками с черными цветами на изломах. Не думая сопротивляться, я ждал того момента, когда тело мое растает в бурной растительности. Сквозь эфемерное тело мое разрастался уродливый кустарник с необычными соцветиями. Очень скоро шевелящийся клубок из веток, шипов, листьев и цветов покрыл всю обозримую поляну. Я ощущал себя не разрываемым на части, но цельным шипастым ковром, который шевелился и к чему-то прислушивался.

Чернела ночь. Звезды призрачно горели и умирали где-то безумно далеко. Искрящаяся жухлая трава затлела и начала разгораться. Повсеместно. Где-то большие, где-то меньшие возник огонь. Безумно затрещали умирающие в огне ветки. Застонала вновь умирающая трава. Безмолвную тишину фантастической ночи разорвало безумством звуков. И вот я уже полыхаю вместе с огнем, в яростном порыве прыгаю по всей поляне посреди грохота, рева и стонов.

Я был не один. В первый раз за долгое время я чувствовал еще что-то рядом с собой. Было в этом грохоте что-

*то, на миг породнившее меня с окружающим. Скоротечен
безумный огонь, скоротечны блаженные сны, и снова вокруг
меня пустое холодное пепелище. Кажущаяся Пустота во-
круг сжалась до серого сырого тумана. Еще несколько звезд
успели умереть на небосводе, и привычная серость затянула
все вокруг. Холодно, сыро и беспросветно пусто. Я закрыл
глаза, но пейзаж не изменился.*

*Что нам этот грохот — умирающим под шепот тиши-
ны! Что нам твой рассвет, если мы боимся даже имени
Солнца! Что нам твой ветер и свобода, когда большим до-
стижением являются собственные стены! Уймись, Вели-
кий, мы все мертвы и посмертно смотрим свои черно-ли-
ловые сны. Бессмысленные муравьи, с тоской и надеждой
смотрим в серую пелену неба, жаждем огненного дождя и
скорой смерти. Это не отчаяние даже — массовая истерия.
Все скатывается по черной воронке в бездонную пропасть
вечно голодной Пустоты.*

*Иссиня-черный поток собственных мыслей неутомимым
ручьем размывает серый гранит мироздания. Действенно и
первично только то, что действует и побеждает. Цена не важ-
на. Не важна даже цель. Важен только иссиня-черный поток
сознания, что сочится из глубин на осязаемую поверхность.
Похоже ли на гнойный нарыв, пахнет ли сырой осенней лист-
вой, растекается ли кровью по стенам или воет вместе с вет-*

ром на черном крыле — иссиня-черные потоки медленно, но верно будут грызть, прожигать, проедать, пробивать, рисовать еще один уродливый шрам на растерзанном теле мира. Все, что нужно для такой победы, — найти в себе веру в каждое утро. Обмануть себя, пообещав скорое окончание, в ровной, цикличной последовательности бытовой реальности самостоятельно нагромождать проблем, чтобы решение их слегка затормозило собственное вращение по этому кругу.

И вот зубы крепко сжаты, глаза открыты и уже совершенно неважно, что впереди. Неистово несешься вместе с собственным иссиня-черным потоком сознания. Меняешь маски на лице, носишь улыбки, ухмылки, оскалы, сопли, слезы, кровь, но уже со стороны выглядишь осмысленным. И никакого значения не имеет, что, вероятнее всего, ты уже не видишь ничего вокруг, не слышишь никого и ничего не чувствуешь. Но горишь — яростно и быстро. Во чье-то имя, за какие-то исключительно свои идеалы. Что удивительно, примерно так и выглядит счастье. Медленно тлеть или яростно и быстро полыхать, но точно знать, зачем с тобою все это происходит. Сейчас, работая над книгой, перечитываю все эти рассказы, которые написал ранее. Волной наплывают все те образы, все те эмоции, чувства, которые я тогда испытывал. Я вновь одинокий, тощий студент, весь мир борется со мной, а я борюсь только за то, чтобы прожить еще один день. Но обо всем по порядку. Почти все студенческие годы я парал-

лельно еще и работал — там же, в университете. У меня почти не было девушек, что очень меня расстраивало. Наверное, если бы тогда со мной поработал психолог или хотя бы кто-то просто поговорил по душам, все было бы совершенно иначе. Но я был один. К сожалению, я и сейчас один. Никогда не было никого рядом. И я уже не жду, что появится. Одиночество угнетает только в юности — наверное, потому, что в это время особенно сильно чувствуешь, что все вокруг не одиноки. Во всяком случае, так они говорят. Но с возрастом понимаешь, что одиноки буквально все и не от кого ждать помощи. И если ты упал, то найди в себе силы самостоятельно подняться, поскольку никто тебе не поможет. В этом, наверное, главный смысл моей книги: на собственном примере показать, что одиночество — это неплохо. Самостоятельность, собственные убеждения — это все, что отличает человека от других. То есть для меня все люди примерно одинаковы, и только вопрос времени, когда человек проявит свое истинное лицо — с шаблонными идеями, стереотипами, полным отсутствием собственной индивидуальности. Только такие люди способны жить счастливо в этом мире. Они молятся Богу, просят у него богатства и удовлетворения собственной похоти. 99% людей лицемерные и циничные. Если вам некомфортно среди других людей, проблема, конечно же, в вас. Нужно всего лишь изменить себя. Нужно стать таким же лицемерным и циничным, как и 99% людей вокруг. И тогда они примут тебя, ты потеряешь лицо,

станешь таким же серым туманом, как и все вокруг. И тебе станет комфортно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.